

ТАКСОНОМИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ТВОРЧЕСТВА Т. ШЕВЧЕНКО И Р. БЕРНСА

МИГИРИНА Н. И.,

Бельцкий государственный университет им. А. Руссо

В аннотируемой статье в плане таксономического анализа рассматривается система аксиологических ценностей в художественном дискурсе на материале произведений Т. Шевченко и Р. Бернса, акцентируется внимание на особой идиоэтнической роли национального языка и литературы в современном атомизированном и дисперсном социуме.

Ключевые слова: *аксиологическая парадигма, этногенная роль языка и литературы, иерархия аксиологических концептов в художественном дискурсе, этническая абсорбция, таксономический анализ аксиологической парадигмы творчества Т. Шевченко и Р. Бернса.*

In terms of taxonomic analysis the given article dwells on the system of axiological values in literary discourse on the material of Shevchenko and R. Burns; it focuses on the special idioethnic role of the national language and literature in the modern atomized and dispersed society.

Key-words: *axiological paradigm, the ethnogenesis role of language and literature, hierarchy of axiologic concepts in literary discourse, ethnic absorption, taxonomic analysis of axiological paradigm of Shevchenko's and R. Burns's creativity.*

Система аксиологических ориентиров, принятая в социуме, представляет собой ту парадигму нравственных, этических ориентиров, которая сыграла этногенную роль, структурируя этнос в нацию. Существуют различные средства ее реализации. Роль языка в формировании любого этноса как особой национальной общности настолько велика, что не случайно В. Гумбольдт ввел в научный обиход понятие, которое позже назвали идиоэтничностью национального языка, возникающей на основе уникальности понятийно-категориального аппарата каждой языковой системы, отражающей своеобразие этнической ментальности носителей данного языка. И поэтому есть все основания утверждать, что язык играет уникальную этногенную роль: он «делает» нацию, и в самой системе языковой модели отображения мира уже заложена аксиологическая парадигма, определяющая духовную сферу существования этноса. Иерархия нравственных ценностей, играющие роль этногенного фактора, репрезентируются в системе национального языка на самых разных уровнях языковой стратификации.

Система нравственных ориентиров, в рамках которых формируется и сохраняется национальная самоидентичность, проявляется как нравственные заветы предков во фразеологическом фонде национальных языков, отражающем такие базовые концепты аксиологической парадигмы, как *честь, совесть, сострадание, справедливость, трудолюбие, верность долгу, добро, зло, почитание старших, судьба, воля* и т.п. Такие традиционно сложившиеся этические представления сохраняются на протяжении всей истории существования этноса как ядро в системе иерархии аксиологических понятий, структурирующих нацию. Кроме того, аксиологическая система каждого этноса реализуется и в невербальном искусстве, литературе. Внимание к аксиологической парадигме творчества писателей и поэтов позволяет заметить, что определение

«народный» применимо к тем из них, чьи нравственные ориентиры совпадают с системой аксиологических ценностей, традиционно заложенных в геноме этноса. Именно поэтому в сокровищнице мировой культуры особое место занимают те великие писатели и поэты, которые сумели передать «душу» своего народа, стать символами нации, национального духа.

В ряду таких поистине народных поэтов по праву могут быть названы Т. Шевченко и Р. Бернс. Особенности аксиологической парадигмы творчества украинского Кобзаря и шотландского Барда становятся наиболее очевидными в рамках таксономического анализа их поэзии, и есть все основания объединить имена Т. Шевченко и Р. Бернса в плане такого исследования, при всех различиях творческой палитры, принципов поэтики и идиостиля, при разнице в жанровых предпочтениях и т.п. В аксиологической парадигме творчества каждого из этих поэтов выражены те же концепты, которые генетически заложены в иерархии нравственных ценностей украинцев и шотландцев – идеи добра, справедливости, социального равенства, патриотизма, национальной гордости, верности заветам предков, братства, любви к родному языку, ненависти к поработителям.

Да, и Шевченко, и Бернс проповедают идеи свободы, равенства, братства, социальной справедливости, их поэзия пронизана любовью к отчужденному краю, гордостью за великие деяния предков, к народным песням, древним балладам, преданиям старины, но один был сыном Шотландии, а другой украинским Кобзарем, и сама судьба и история предопределили различия их жизненного пути. К Бернсу судьба была значительно милостивее. Шевченко родился крепостным и освободился от рабства только на 24 году жизни, это и определило мотивы его поэтических интенций: поэт страстно ненавидит социальное и национальное неравенство, стремление к свободе представляется ему неотъемлемым правом каждого человека, ад крепостничества и самодержавия невыносимы, потому что калечат жизни рабов и души господ, и все это неизбежно порождает революционные мотивы в его лирике, «Спросим: долго ль / Кровавицам царствовать над нами?» (поэма «Сон»). «Где суд? Где правда? Скоро ль кару, / Цари, низвергнет мир на вас?» (стихотворение «О люди, вам ли жить во мраке?»). Да, оба поэта с самого раннего детства познали тяжесть физического труда, но для Шевченко это был рабский труд крепостного, а для Бернса – работа на ферме отца, и предки Бернса долгое время ограничивались в своих отношениях с лордами лишь обязанностью вовремя платить арендную плату, тем более что и аристократов, и крестьян объединяла страстная ненависть к англичанам, захватившим трон Стюартов, и не менее страстная любовь к Шотландии. Конечно, и бедному фермеру приходится зачастую терпеть произвол землевладельца, и ему негде искать защиты от «яростных псов, рычащих из конуры правосудия», но даже в самых страшных снах они не могут представить себе ада крепостнического рабства в России.

Трагичность судеб героинь произведений Шевченко также отличается от жизни очаровательных Нелли, Пегги, Мэри, Джин, Энн, которые были и Музами Бернса, и героинями его бессмертных стихотворений, как отличаются обстоятельства личной жизни поэтов, хотя само выражение «личная жизнь крепостного раба» звучит как кошмарный оксюморон. Есть все основания

говорить об удивительном духовном и творческом родстве Т. Шевченко и Р. Бернса, о сходстве их роли в мировой культуре и общественно-политической жизни даже 21 века.

Так, и Шевченко, и Бернс создают поэтические произведения на том языке, который был для каждого из них родным, они впитали его красоту с материнским молоком. На украинском языке и на шотландском диалекте английского говорил тот народ, частью которого они себя ощущали, и никакие советы «доброжелателей» не могли повлиять на их выбор языка поэзии, хотя прозаические произведения Т. Шевченко написаны на прекрасном литературном языке с небольшими вкраплениями украинизмов, а Р. Бернс в письме к доктору Муру в безупречной английской фразе «Дабы хоть отчасти выволить душу из гнетущего тумана тоски...» зачеркнутое слово «тоска» заменяет на французскую лексему «скука», и в то же время выбор языка поэзии для них принципиально важен, и сам Шевченко опирается на пример Р. Бернса, отстаивая свое право писать на украинском языке. Он говорит в предисловии к неосуществленному изданию «Кобзаря»: «А Борнс усе-таки поет народный и великий». И объясняется, как нам представляется, этот выбор языка поэзии не фрондерством по отношению к государственному имперскому языку, а осознанием своей роли истинно народного поэта в самом высоком нравственном значении этих слов.

И Бернс прекрасно осознавал, что его родной шотландский язык не «просто-народный диалект» английского, но язык баллад народных певцов, старинных преданий, именно поэтому «в песнях и шуточных стихотворениях» он говорил на том языке, который был понятен его односельчанам. И точно так же великий украинский Кобзарь испытал бесценное счастье обладать тем песенным даром, который позволил ему, впитав наследие украинского народного творчества, обогащать его своей лирикой. Любовь к народному краю, гордость его великим прошлым постоянно живут в сердце Бернса, так что даже цветы та-тарника порождают в его душе особые ассоциации.

«Я при уборке ячменя / Щадил татарник в поле. / Он был эмблемой для меня / Шотландской древней воли».

Точно так же гордится Т. Шевченко прошлым своего народа, его историей, борьбой с польской шляхтой за свободу и независимость, героями Колиивщины.

Иногда Бернс романтизирует, идеализирует эпоху Стюартов, чтобы ярче противопоставить ее чужеземцам, завоевателям, династии Ганноверов. Так, в замке Стиллинг, древней резиденции шотландских королей, он оставляет надпись на стекле алмазным карандашом: «Когда-то Стюарты владели этим тронном / И вся Шотландия жила по их законам. / Теперь без кровли дом, где прежде был престол, / А их венец с державой перешел / К чужой династии, к семье из-за границы...»

В отличие от Бернса Т. Шевченко не склонен идеализировать какого-либо из представителей правящей в России династии, он абсолютно уверен в невозможности либеральных реформ самодержавцев, сама система неограниченной власти имперской России должны быть разрушена во имя свободы и счастья обездоленного народа. А антирелигиозная направленность поэзии Шевченко находит самое яркое проявление в стихотворении «Свете ясный, свете тихий». А в политическом «завещании» великого Кобзаря – стихотворении «Как умру,

похороните...» звучит прямой призыв к той беспощадной народной революции, которая позволит осуществиться мечтам поэта о свободе и братстве народов: «Схороните и вставайте, / Цепи разорвите, / Злою вражескою кровью / Волю окропите».

Революционные стихотворения Т. Шевченко в условиях жесточайшей цензурной политики самодержавия не имели ни малейшего шанса быть опубликованными, они превращались уже при жизни поэта в революционные прокламации, но никакие трагические страницы его жизни, никакие страдания не могли заставить поэта замолчать, отказаться от своих принципов, предать свой обездоленный народ, частью которого он всегда себя ощущал, и эта роль символа борьбы с религиозным, социальным и национальными гнетом сближает Т. Шевченко с Гейне, Шандором Петефи.

И Шевченко, и Бернс прекрасно осознают особую миссию поэта, но для украинского Кобзаря, чувствующего боль, страдание, несправедливость, невыносимый гнет в жизни простого человека, недостаточно только сочувствия, страдания, слов утешения, он должен «глаголом жечь сердца людей», быть «буревестником» восставшего народа, а Р. Бернс в одном из посланий Р. Грэйму говорит, что «хотел бы отереть каждую слезу, утешить каждого в горе», хотя его собственных стонов никто и слышать не хочет.

Но если первоначально Бернс и ограничивался такими представлениями о миссии поэта, то очень скоро он осознал, что в условиях тирании абсолютной монархии никакие слова утешения и сострадания не облегчат жизни простого человека, как Шевченко, он становился революционным трибуном.

Но: «Могу вам предсказать я, / Что будет день, / Когда кругом / Все люди станут братья!»

Так, в «Марше Роберта Брюса при Баннокберне» он вкладывает в уста героя, славного вождя Шотландии, слова, обращенные к соратникам:

«Наша честь велит смести / Угнетателей с пути / И в сраженье обрести / Смерть или свободу!»

А в некоторых произведениях Бернс, как и Шевченко, откровенно призывает народ к бунту: «Зачем в расцвете сил нести / Нужды и рабства бремя? / К оружию, братья! Счет свести / Давно пришло время... / Смерть или свободу обрести / Для нас иного нет пути!»

Естественно, что подобные стихи не могли быть опубликованы при жизни поэта, а строки о свободе из его «Древа Свободы» даже в 20 веке редактор оксфордского издания Бернса не осмелился включить в том его произведений.

И Шевченко, и Бернс выполнили свою миссию: они стали голосом своего народа, и их посмертная слава показывает, что из всей великой сокровищницы мировой литературы истинно народными становятся те поэты, кто стал символом, святыней нации. Так, до сих пор строки стихов Бернса шотландцы несут на стягах во время всемирным фестивалей и олимпиад, а готовясь в 2014 году к референдуму о независимости Шотландии, его организаторы в качестве агитационных материалов используют строки из бессмертных произведений своего великого Барда, и имя, и творчество Шевченко и в 21 веке также остаются национальной святыней украинского народа.

Таким образом, следует признать, что несмотря на различия и в судьбе, и

в творчестве Шевченко и Бернса, существует то общее, что объединяет их имена в понятии «великий народный поэт», символ национального самосознания, единства нации» – и украинский Кобзарь, и шотландский Бард сумели выразить, передать потомкам нравственные ориентиры, этические ценности, генетически заложенные в народе моральные постулаты.

Общеизвестны слова И. Франко о месте Т. Шевченко в мировой культуре, произнесенные в 1914 году: «Он был крестьянский сын и стал властелином в царстве духа. Он был крепостным и стал великаном в совокупности человеческих культур. Он был самоучкой и открыл профессорам и учёным новейшие и свободнейшие пути. Он терпел десять лет от российской военщины и сделал больше для свободы России, чем десять победоносных армий. Судьба преследовала его всю жизнь, но не покрыла ржавчиной золота его души, не превратила его любовь к человечеству в ненависть, его веру в отчаяние. Судьба не скупилась для него на страдания, но не подавила его радости, которая была из здорового ключа жизни. Но наилучший, самый драгоценный дар судьба дала ему уже после смерти – бессмертную славу и вечно новое наслаждение, которое доставляют его произведения миллионам человеческих сердец».

И сейчас, через столетие, мы можем лишь дополнить слова И. Франко указанием на особую роль великого национального поэта в современно нам мире: в 21 веке существует лишь 2 фактора, способные защитить нацию от этической абсорбции – национальный язык и творчество тех, чье искусство ориентировано на аксиологические ценности, генетически доминирующие в этнической ментальности данного народа. А близость принципов творчества, волшебная сила поэтического дара Шевченко и Бернса настолько очевидны, что если изменить референтную соотнесенность местоимения «он» и адресовать слова И. Франко не украинскому Кобзарю, а шотландскому Барду, то придется опустить только указание на статус крепостного и упоминание о 10 годах гнета царской военщины.

И с течением времени роль таких великих поэтов, как Р. Бернс и Т. Шевченко, ставших символами народного духа Шотландии и Украины, будет только возрастать, ведь в рамках дихотомии «глобальная этическая абсорбция» / «сохранение этической самобытности» чрезвычайно важна та степень пассионарности нации, которая подпитывается творчеством поистине народных поэтов. И только в том случае, если народ добровольно откажется от «самобытного корпуса национальных интенций», можно будет признать корректным рассуждения Александра Кораблева в статье «Европейские ценности и славянский союз» [Кораблев 2013: 209-2011].

Литература

1. Белецкий А.И., Дейч А.И. Тарас Шевченко. М., Просвещение, 1989.
2. Жур П. Труды и дні Кобзаря. Київ: Дніпро, 2003.
3. Кирилюк Е. Тарас Шевченко: критико-биографический очерк, перевод с украинского. М., Художественная литература, 1988.
4. Кораблев А. Европейские ценности и славянский союз // Дружба народов, №5, 2013, стр. 209-211.
5. Мигирова Н.И., Сирота Е.В. Особенности репрезентации аксиологических значений в современном русском языке (теоретический и практический аспекты

проблемы) // Аксиологические аспекты методики преподавания русского языка (профессиональный и общеобразовательный уровни). М., МПГУ, Ярославль, РЕМДЕР, 2009, стр. 23-29.

6. Райт-Ковалева Р. Роберт Бернс / Вып. 26. Жизнь замечательных людей. М., 1965.
7. Роберт Бернс. Стихи в переводе С. Маршака. М., Художественная литература, 1976.
8. Рудницький Яр. Бернс і Шевченко. Вінніпег, Slavistica, Праці Інституту Слов'язознавства Української Вільної Академії Наук, ч. 35, 1959.
9. Сушинський Б. Тарас Шевченко: геній в самотності. Роман-есе. Одеса, ЯФВ, 2006.
10. Шевченко Т. Лирика. Сокровищница мировой поэзии. Перевод с украинского. М., 1971.